

Т. В. Андреева

**Власть и реформы в России
в первой половине XIX в.:
отечественная историография
конца XX — начала XXI в.**

Российский опыт реформ — одна из центральных тем отечественной исторической науки. Она имеет обширную историографию, представленную классическими дореволюционными, советскими и постсоветскими исследованиями. Современный этап историографического процесса отличается плюрализмом научной интерпретации, поиском новых исследовательских методик, отказом от идеи, что главной причиной фундаментальных перемен была «революционная ситуация». При этом акцентированная дидактичность опыта бюрократически управляемого процесса преобразований на фоне общественной дискуссии о модернизации России в XXI в. определяет нынешнюю актуализацию истории российских реформ, о чем свидетельствуют многочисленные конференции в столичных и провинциальных городах¹.

¹ Николаевская Россия: власть и общество. Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 26–27 апреля 2002 г. Саратов, 2004; Власть, общество и реформы в России (XVI–XX вв.). Материалы всероссийской научной конференции. 24–25 декабря 2003 г. СПб., 2004; Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы всероссийской научной конференции. 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007; Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источниковедение. Сборник статей по материалам региональной конференции. СПб., 2009; Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. Сборник статей по материалам международной конференции. Санкт-Петербург, 14–15 марта 2011 г. СПб., 2012.

Сегодня у большинства историков не вызывает сомнений тот факт, что несовпадение замыслов и результатов Великих реформ, прерывистость и скачкообразность развития Российского государства на закате его имперской истории во многом были обусловлены ходом и особенностями реформаторского процесса, получившего идейный импульс и практические наработки в первой половине XIX столетия. Поэтому вполне логичен исследовательский интерес к эпохе планов Негласного комитета, проектов М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцова, работы Секретных николаевских комитетов. В настоящей статье ставится задача: не претендуя на то, чтобы охватить всё многообразие современных отечественных научных публикаций, проследить основные историографические направления, исследовательские подходы и тенденции, характерные для изучения проблемы «власть и реформы в России в первой половине XIX в.».

В целом для современного этапа развития отечественной исторической науки, начавшегося в 1990-х гг. в сложных условиях разрушения старых историографических традиций и отсутствия новых², характерен ряд позитивных перемен. И хотя мы пережили сложное время конца советской эпохи, для которого были характерны сужение сферы научного изучения отечественной истории, отсутствие стабильной системы сохранения исторического наследия, кризис историософской и методологической базы, а также ряда направлений, в том числе декабристоведения, «больной» оказался «скорее жив, чем мертв»³, а вскоре получил новое дыхание. Это находит отражение во внимании к новым темам или малоизученным аспектам классических тем, непредвзятости оценок, очень часто пересматривающих прежние представления, использовании системного, сравнительно-исторического и культурологического методов в изучении российского исторического процесса.

Применительно к проблеме реформ в правительственной политике александровского и николаевского царствований, рассматриваемой автором данной статьи в контексте различных представлений о способе их осуществления и идеологических ориентациях пути развития России, можно выделить несколько основных направлений, внутри которых просматриваются различные исследовательские подходы и тенденции.

² Поляков Ю.А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 38; Поликарпов В.В. 1986 г.: конец «периода существования». Впереди большие перемены // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди / Отв. ред. чл.-корр. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2013. С. 248–258.

³ Бокова В.М. «Больной скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристовеждении 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. IV. К 175-летию восстания декабристов. СПб.–Кишинев, 2001. С. 487–561; Некоторые проблемы развития исторической науки вчера и сегодня. Материалы обсуждения (В.В. Носков, Е.Р. Ольховский, С.Н. Полторак, Д.И. Раскин, Г.Л. Соболев, Л.Е. Шепелев) // Английская набережная, 4. Сборник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 4. СПб., 2004. С. 4–40.

Во-первых, это коллективные труды и обобщающие монографии историков, социологов, политологов, посвященные природе самодержавной власти в России, ее эволюционно-реформаторским поискам. В ряду работ данного направления следует выделить фундаментальную коллективную монографию «Власть и реформы. От самодержавной к советской России»⁴, ставшую уже классической. К объяснению преобразовательной практики и реформаторских инициатив государственной власти авторы подошли исходя из позитивистских принципов причинно-следственной связи и целесообразности. В рамках данного подхода правительственное реформаторство рассматривается как единый преобразовательный процесс, подчиненный единой стратегической цели укрепления российской государственности. При этом ни выбор идеологической ориентации, ни различное направление правительственных курсов в реальности на практике не меняли главного приоритета — сохранения «самодержавных основ власти». В результате реформаторство в России, обусловленное объективными задачами социально-экономического развития страны, но являвшееся воплощением субъективной воли монархов, носило циклический, ограниченный, вынужденный характер и было направлено не на радикальную перестройку всего уклада русской жизни, а только на модернизацию. Эта неспособность власти к коренным реформам и «открыла дорогу сторонникам революции»⁵.

Изучение первой половины XIX в. проведено в книге А. Н. Цамутали, который придерживается ныне принятой точки зрения, что царствование Александра I являлось единой эпохой реформаторской активности власти при наличии двух периодов различных внутривластных курсов. Главной же преградой к практической реализации политико-правовой реформы, согласно «Грамоте российскому народу» 1801 г., «Плану» 1809 г. и «Государственной уставной грамоте Российской империи» 1820 г., как показывает автор, становилась не столько непоследовательность и нерешительность императора, сколько общая тенденция всех указанных проектов, направленная на ограничение абсолютных прав монарха. В результате возник разрыв между властью и обществом, что способствовало резкому обострению политического кризиса в России. События 14 декабря 1825 г. показали, что в стране есть силы, которые уже не надеялись на проведение реформ «сверху» и «избрали революционный путь их достижения»⁶. В царствовании Николая I Цамутали выделены периоды активного законодательства и замедления реформ, определены признаки нарастания вследствие этого кризиса. Акцент делается на первом периоде официального реформаторства, направленного на укрепление и совершенствование

⁴ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 1-е изд. СПб., 1996; 2-е изд. М., 2006.

⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 2-е изд. С. 3–9.

⁶ Цамутали А.Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // Там же. С. 183–232.

самодержавной государственности путем кодификации российских законов, централизации системы управления, создания вертикали власти. Помимо этого автор обращает внимание как на правительственные преобразовательные поиски решения крестьянского вопроса в Секретных комитетах 1826–1848 гг., так и на реформаторскую программу сторонников формирующегося общественно-либерализма. Не посягая на самодержавие, они стремились к формированию в России основ правового государства путем предоставления гражданских прав всему населению страны и создания новой системы суда и судопроизводства⁷.

Иная тенденция характерна для других обобщающих работ, посвященных истории российских реформ. В них отчетливо просматривается неправомерное противопоставление правительственного реформаторства, базирующегося на западной модели исторического прогресса, контрреформаторству, основанному на выборе особого национального пути развития России. Так, в коллективном труде под редакцией В. В. Ильина подчеркивается, что «либеральные реформы» Александра I были демпфированы «контрреформами» Николая I⁸. Г. Е. Миронов также характеризует царствование Александра I как эпоху активного реформаторства, а правление Николая I представляет в рамках классической традиции как «апогей самодержавия» и «контрреформаторство»⁹. Те же тенденции характерны для работы Т. А. Сафарова и М. М. Садриева, обратившихся к изучению исторических, политических и экономических аспектов российского преобразовательного процесса. Они также определяют реформы Александра I как «либеральные», а преобразования Николая I как «контрреформы»¹⁰.

На мой взгляд, реформаторская концепция Николая I, особенно в первый период его царствования, находилась в рамках преобразовательных планов предыдущего правления. Стратегическими приоритетами оставалось дальнейшее совершенствование государственного и общественного строя России путем преобразования высшего, центрального и местного управления, создания единой системы государственной власти, а также подготовки постепенной отмены владельческого крепостного права. При этом предполагалось осуществление просветительского принципа разделения властей, но с адаптацией к российским условиям, как разделение единой самодержавной власти внутри себя на части — законосовещательную (Государственный совет), исполнительную (Правительственный Сенат, состоящий из министров, и Комитет министров), судебную (Судебный Сенат). Рассматривалось также отделение

⁷ Там же. С. 233–248.

⁸ Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахизер. Под ред. В. В. Ильина. М., 1996. С. 39–45.

⁹ *Миронов Г. Е.* Государь и государевы люди: Российские реформаторы и контрреформаторы XIX — начала XX в. М., 1999. С. 8–76.

¹⁰ *Сафаров Т. А., Садриев М. М.* Российские реформы и контрреформы: Исторические, политические, экономические аспекты. М., 2001. С. 98–137.

административной и судебной частей на уровне губернских учреждений¹¹. Из александровского «наследия» Николаем I были отброшены только политико-конституционные проекты. Дело в том, что после «провала» 14 декабря 1825 г. политических инструментов достижения исторического прогресса для нового императора, впрочем, и для представителей интеллектуальной элиты дворянского общества, было характерно отрицание политики как способа изменений в жизни страны. Доминирующим представлялось социально-экономическое переустройство государства и общества путем длительных преобразований «сверху» и просвещения народа¹².

Именно на данный аспект российского преобразовательного процесса обратили внимание авторы обобщающих трудов, посвященных компаративному анализу реформаторской и революционной традиции в России. Первым опытом его реализации стала коллективная монография И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса конца советской эпохи¹³. В начале XXI в. Пантин и Плимак в монографии и статье, стремясь определить объективный исторический смысл российской революции 1917 г., выявить причинно-следственные связи процессов и явлений, продолжили сравнительное изучение реформ и революций в России на протяжении XVIII — начала XX в.¹⁴

Базируясь на концепции догоняющего, «запоздалого» развития Российской империи по сравнению с западноевропейскими государствами, авторы сделали важные концептуальные выводы. Во-первых, в отличие от передовой Европы крупные реформы в России чаще всего происходили по инициативе самодержавной государственной власти, «которая принуждала к изменениям не только народ, но порою и господствующие круги». Во-вторых, в основе этого явления лежали слабость и неразвитость общественных сил, которые по своему социальному статусу должны были бы быть заинтересованы в фундаментальных преобразованиях. Таким образом, на протяжении конца XVII — начала XX в. потребность в преобразованиях, обусловленная влиянием Запада,

¹¹ Журналы Комитета 6 декабря 1826 года за 1827–1832 гг. // Сборник ИРИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 20–133, 219–220, 378–385, 401–423, 429–431, 477–482; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года: проекты, касающиеся учреждения Государственного Совета // Там же. Т. 90. СПб., 1894. С. 107–121; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года: проекты о Комитете министров // Там же. С. 122–125; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года: проект об учреждении Правительствующего Сената, составленный в Комитете 6 декабря 1826 года // Там же. С. 125–145; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года: проекты, относящиеся до Судебного Сената // Там же. С. 146–194.

¹² *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 709–759, 863–880.

¹³ *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783–1883. М., 1986.

¹⁴ *Пантин И.К., Плимак Е.Г.* Драма Российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000; *Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций // Империя и либералы. (Материалы международной конференции). Сборник эссе. СПб., 2001. С. 27–75.

«складывалась раньше, чем страна созревала для перемен». В-третьих, именно «вестернизация» и вовлеченность страны «сверху» на путь капитализма способствовали продлению, более того, укреплению господства самодержавия над обществом. При этом российская власть, способствуя росту только «верхушек капитализма», в то же время тормозила формирование главных компонентов капиталистической формации — аграрного переворота в деревне, цивилизованных рыночных отношений в стране, гражданского общества. В силу этого смена крепостного хозяйства капиталистическим, по мнению И. К. Пантина и Е. Г. Плимака, была «незавершенной и в принципе неудачной» «революцией сверху». Наличие же вплоть до Февральской революции 1917 г. таких элементов феодализма, как «произвольное», т.е. не ограниченное законами, самодержавие, приоритет в аграрном строе помещичьего землевладения, слабость зачатков гражданского общества, свидетельствовало о многоукладности. В целом, с точки зрения исследователей тот факт, что самодержавие постоянно стремилось только бюрократическим путем разрешить проблемы российской модернизации, обусловил поляризацию отечественного освободительного движения на «нелиберальный демократизм и недемократический либерализм». Их противостояние отягощалось тем, что первый при всяком обострении политической ситуации тяготел к революционным методам борьбы за реформы, а второй стремился к соглашению с монархией. В результате Октябрьская революция 1917 г. стала выражением как «нелиберальной, так и недемократической стихии народного характера», «дала ей моральную санкцию»¹⁵.

Полностью присоединяясь к этим концептуальным положениям авторов, хочу только добавить, что в течение XVIII–XIX вв. верховная власть несколько раз пыталась «пересадить» на крепостническую, а затем полукрепостническую почву завоеванные Европой столетиями в тяжелейшей борьбе с феодализмом и абсолютизмом результаты не своего, а чужого социально-политического опыта. Эта адаптация к внешнему прогрессу Запада приводила к тому, что новые формы государственной и общественной жизни, не подготовленные внутренним развитием, не приживались, а в начале XX в. дали «уродливые всходы» в виде революционной парадигмы.

В ряду монографических работ обобщающего характера следует выделить фундаментальную, новаторскую и полемичную монографию Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства», которая, безусловно, стала явлением в новейшей историографии. В рамках историко-социологического подхода автор провел многоуровневое исследование социальной истории России периода империи. При этом исследователь стремился под новым углом зрения рассмотреть ряд важнейших дискуссионных вопросов. Во-первых, вопрос о соотношении субъективного

¹⁵ Пантин И.К., Плимак Е.Г. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). С. 67–116.; Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. С. 27–45.

и объективного факторов в процессе складывания российских сословий, времени их формирования, степени зрелости или отсталости, а также схожести или отличия от западноевропейских. В результате своих изысканий Миронов пришел к концептуальным выводам. С точки зрения автора, длительный процесс образования сословий в России завершился в конце XVIII в. И хотя они имели некоторые особенности по сравнению с западноевропейскими, но «Россия к концу XVIII в. с точки зрения сословного строя была похожа на современные европейские государства XVIII в., где он уже разрушался, а не на западный сословный строй XIII–XV вв. в момент его расцвета». Причем образование российских сословий происходило «в ходе объективного развития общества, волей и коллективными усилиями самих социальных групп, не только при поддержке, но иногда вопреки намерениям высшей власти»¹⁶.

Во-вторых, вопрос о соотношении сословного строя и крепостничества, степени распространения крепостнических отношений в России, а также времени и путей их уничтожения. В данном контексте Б. Н. Миронов вслед за теоретиками государственной школы, выдвинувшими теорию «закрепощения и раскрепощения всех сословий», рассматривает крепостное право в начале XVIII в. расширительно¹⁷. «Всеобщность крепостнических отношений»¹⁸ в эту эпоху, как полагает автор, было обусловлено не субъективной склонностью «российского государства к принуждению», а совокупностью объективных политических, социально-экономических и культурно-психологических факторов: традиционным характером русской государственности и патриархальным характером верховной власти, носитель которой воспринимался населением как верховный собственник земли; военно-политическим характером российского государства, имевшего постоянную нужду в огромных средствах для укрепления армии и ведения активной внешней политики, которые в условиях отсталой экономики и отсутствия капиталистического наемного труда можно было получить только путем крепостнической эксплуатации; культурно-психологическими особенностями российского народа, для которого были характерны неразвитость индивидуализма, недостаток самосознания, склонность к подчинению¹⁹. При этом Миронов подчеркивает, что с 1762 г. государством законным путем «одно за другим сословия стали постепенно освобождаться от разных видов крепостного права». В 1861 г. верховная власть, «не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до состояния внутреннего разложения», «наносит решительный удар по всему институту крепостничества»²⁰.

¹⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 80, 98.

¹⁷ Там же. С. 360–369.

¹⁸ Там же. С. 376.

¹⁹ Там же. С. 370–375.

²⁰ Там же. С. 414.

Как видно, в концепции Миронова соединились две линии. С одной стороны, представление о «всеобщности крепостничества», свидетельствующей о самобытности России, а с другой — идея об адекватности российских сословий, их схожести с европейскими. Причем это соединение в концепции историка напрямую связано с его фундаментальным положением, что существовали «две закономерности исторического развития России: поступательность и нормальность»²¹. И хотя я солидаризуюсь с Мироновым в том, что для имперской России было характерно «поступательное движение», всякий раз возобновлявшееся после кризисов, «вызываемых войнами, общественными смутами или радикальными реформами»²², но не могу согласиться с его тезисом о «нормальности российского исторического процесса». Вслед за И. К. Пантиным и Е. Г. Плимаком я придерживаюсь концепции «догоняющего», «запоздалого», «особого» развития Российской империи. Ведь в передовых странах Европы (Англии и Франции) процесс оформления сословий, завершившийся в XIII–XIV вв., был связан с юридическим закреплением их не только личных, имущественных, гражданских, но отчасти и политических прав в основополагающих законодательных актах, прежде всего «*Charta magna*». При этом общественное мнение как политический институт имело легитимные, официальные и постоянные формы своего проявления в сословно-представительных органах — Генеральных штатах во Франции и двухпалатном парламенте в Англии. Причем в Англии в период абсолютизма наряду с сильной королевской властью продолжали существовать политические институты сословно-представительной монархии — парламент и независимое от коронной администрации местное самоуправление²³. Не следует забывать, что в отличие от западноевропейской «классики», Россия ни в феодальную эпоху, ни в Новое время не знала периода сословно-представительной монархии. Вероятно, это было обусловлено тем, что прежде всего российское дворянство, получив государственную законодательную легитимацию, не приобрело корпоративной жизнеспособности европейского, и потому не превратилось в политическую силу, способную делить власть с монархом. Важнейшей составляющей сословного строя в Европе являлось «третье сословие», в состав которого во Франции с XVII в. вошло крестьянство, а в XVIII в. оно было самым пассионарным. В России же в течение XVIII–XIX вв. оно так и не сформировалось.

Как уже отмечалось, Б. Н. Миронов, стремясь возродить теорию государственных сословий, утверждает, что в начале XVIII в. «крепостное право было всеобщим», «что существовало крепостничество трех видов — государственное, или казенное, частное и корпоративное»²⁴. Но и в начале XIX в. М. М. Сперанский

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же.

²³ Всеобщая история государства и права / Под ред. К.И. Батыра. М., 1997. С. 123–125, 154–160.

²⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового

с горечью писал: «Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя <...> Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»²⁵. И хотя в большей степени это был риторический прием, чем признание реформатором всеобщности крепостничества, всё же его «ответ» присутствовал. Современные же исследователи, не соглашаясь «с узкоправовой трактовкой крепостного права» Миронова, справедливо подчеркивают различие между крепостничеством в широком и узком смысле слова, между «крепостной зависимостью» в XVIII в. дворянства, духовенства, городских и сельских «обывателей» и «крепостным правом», распространенным на владельческих крестьян и дворовых. Первая касалась только государственной службы, которая, однако, была не столько главной обязанностью, сколько основной социальной функцией и привилегией дворянства, как и его неподатное состояние, а также казенных налогов, прежде всего подушной подати и отсутствия права пространственного и социального перемещения. Второе же основывалось на монопольном и наследственном праве потомственного дворянства владеть в виде недвижимой собственности крепостными, которые были лишены личных и имущественных прав, находились в юрисдикции господина²⁶. Ведь даже сам Николай I в своей речи 1847 г. перед депутацией смоленского дворянства говорил: «Крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии не по праву, а почти обычаем чрез долгое время, не может считаться собственностью, а тем более вещью»²⁷.

В последние десятилетия отечественная историческая наука всё настойчивее ставит вопрос об уникальности крепостнических отношений в России,

государства: В 2 т. С. 370. Т. 1. Ранее свою точку зрения по вопросу крепостного права Б.Н. Миронов высказал во время «Круглого стола» «Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы», проведенного 1 и 20 июня 1995 г. Санкт-Петербургским научным обществом историков и архивистов (см.: Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 6–18).

²⁵ *Сперанский М.М.* О коренных законах государства // Сперанский М.М. Избранное / Подг. В.С. Парсамовым. М., 2010. С. 208, 212–213.

²⁶ Выступление А.В. Островского на «Круглом столе» «Крепостное право и крепостничество в России: дискуссионные проблемы» (см.: Материалы «Круглого стола» // Английская набережная, 4. С. 19–22); *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков. Сосуществование и противостояние. М., 2005. С. 33, 36–37; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи. М., 2010. С. 9–10, 100–107, 553–556, 570–576; *Марасинова Е.Н.* Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 17; *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. М., 2010. С. 444–445, 494–495.

²⁷ Дело о приеме имп. Николаем I депутатов смоленского дворянства по вопросу об отмене крепостного права // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. Д. 51. Л. 7 об.

имевших «свои», несхожие с европейскими причины возникновения и отличавшихся как от крепостной зависимости стран Западной, так и крепостничества Центральной Европы²⁸. В России потеря служилыми и посадскими людьми возможности выбрать сферу своей деятельности и распоряжаться результатами своего труда, а крестьянами — права перехода относится к концу XV — второй половине XVI в., когда происходило зарождение крепостнических отношений. Законодательное утверждение крепостничества нашло отражение в Соборном Уложении 1649 г., которое устанавливало постоянную, наследственную и потомственную поземельную крепостную зависимость крестьян всех категорий, а также «потомственную крепостную зависимость служилых и посадских людей». Окончательное же закрепощение владельческих крестьян, т.е. утверждение собственно крепостного права, произошло в результате податной реформы Петра I, когда они были прикреплены к личности землевладельца²⁹.

Так можно ли говорить о «нормальности» развития России? Ведь не только сам институт крепостничества в Западной Европе и России имел различный характер, но происходили два различных во временном и сущностном отношении процесса. Еще Н. И. Тургенев подчеркивал, что в России «жестокое крепостничество», по сути «рабство представляет собой нечто новое; прежде она не знала ни политического, ни гражданского рабства <...> Даже после победы абсолютной власти рабство гражданское еще долго было неизвестно»³⁰. Во Франции и Англии развитие товарно-денежных отношений уже в XIV–XV вв. привело к исчезновению крепостнических отношений, базировавшихся до этого в большей степени на поземельной, а не личной зависимости на основании частного договора, регламентировавшего повинности крестьян. В результате крепостные превратились в свободных держателей наследственного земельного надела господской земли, выполнявших официально фиксированный ежегодный денежный платеж и твердо утвержденные повинности³¹. В России же в течение XV–XVIII вв. происходил обратный процесс постепенного ужесточения крепостной зависимости, лишения гражданских прав владельческих крестьян, утверждения крепостного права. В первой четверти XVIII в. утвердилась их личная зависимость, документально не оформленная, при которой они были лишены права распоряжения собой. Поэтому неудивительно, что М. М. Сперанский считал, что раскрепощение российского крестьянства должно происходить путем, обратным его закрепощению. Для длительного и сложного

²⁸ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVI веке. М., 1997; Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2006; Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. С. 434–439.

²⁹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 1-е изд. С. 108, 142–148.

³⁰ Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 212.

³¹ Всеобщая история государства и права. С. 122, 173–174.

аболиционистского процесса он наметил два этапа. Вначале следовало вернуться к Уложению 1649 г., прикрепившему крестьян к земле и использовать его законодательный опыт, а также ввести договорные отношения между помещиками и крестьянами, регламентацию и контроль над государственными поселянами и в целом рационализацию поземельной собственности. На втором этапе, которому должна предшествовать целая эпоха частных преобразований, ограничивающих крепостное право, следовало вернуться к Судебнику 1497 г., запретившему владельческим крестьянам право перехода, и возратить им «древнее их право свободного перехода от одного помещика к другому, и тем самым совершится уже и конечно их искупление»³².

Что же касается жизнеспособности крепостнической системы, на чём настаивает Б. Н. Миронов, то, на мой взгляд, сама постановка данной проблемы является лишним подтверждением «особости» исторического пути России. При этом спор о наличии или отсутствии кризисных явлений в крепостном хозяйстве дореформенного времени и сегодня не завершён³³. А в первой половине XIX в. как носители верховной власти, так и их просвещённые сподвижники, признавая крепостное право идеологически «злом для всех ощутительным и очевидным», практически воспринимали его как «историческое наследие», являвшееся основой российской государственности и обеспечивающее на данном историческом этапе свободное от социальных потрясений развитие страны³⁴. Считая «право помещиков владеть крестьянами в крепость» «временным», они тем не менее связывали с его форсированным уничтожением «народные возмущения»³⁵. «Настоящее положение таково, — говорил Николай I членам Секретного комитета 1835 г., — что не может продолжаться, но решительные к прекращению оного меры без общего потрясения невозможны»³⁶. Видные

³² *Сперанский М.М.* 1) О коренных законах государства // Сперанский М.М. Избранное. С. 215–216; 2) О крепостных людях // Там же. С. 470–482.

³³ Выступление А.В. Островского, Д.И. Раскина, Л.Е. Шепелева, Ч.Э. Сымановича на «Круглом столе» «Крепостное право и крепостничество в России: дискуссионные проблемы» (Материалы «Круглого стола». С. 23–54); *Готтрелл П.* Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 106–125; *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167; *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 35–36.

³⁴ *Андреева Т.В.* Несостоявшийся прорыв: к вопросу о запрещении продажи крепостных людей без земли в начале царствования Николая I // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 17–25.

³⁵ *Сперанский М.М.* Избранное. С. 215–216, 548; *Киселев П.Д.* О постепенном уничтожении рабства в России // Заблочкин-Десятковский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время: В 4-х т. СПб., 1882. Т. 4. С. 197.

³⁶ Цит. по: *Пресняков А.Е.* Самодержавие Николая I // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 10.

представители управленческой элиты данной эпохи — Е. Ф. Канкрин, П. Д. Киселев, М. М. Сперанский — поставив под сомнение нравственные, юридические и экономические основания крепостного права, подходили к крестьянскому вопросу прагматически, с позиций административно-технических ресурсов государства. Их взгляды не были едины — полное освобождение с медленным выкупом крестьянами помещичьей земли (Канкрин), ликвидация только личного рабства при сохранении за помещиками земли (Сперанский), проведение двуединой реформы с превращением всех крестьян империи в «государственных крестьян, водворенных на собственных землях» (Киселев). Но в главном позиции реформаторов сходились: эволюционность и постепенность социальных изменений, отрицание единовременного и резкого уничтожения крепостного права; создание условий для будущей эмансипации путем регламентации и ограничения крепостничества рядом частных законодательных актов и подготовки общественного мнения; проведение комплекса предварительных и длительных преобразований в административной структуре, сфере поземельных отношений, институте земельной собственности и землепользования, имущественном праве, судебной, финансовой, кредитной системах, налогообложении³⁷. Аболиционистские же инициативы Александра I и Николая I прежде всего были обусловлены стремлением императоров сохранить статус России как великой европейской державы.

Отстраняясь от дискуссионного вопроса о времени и путях формирования российской государственности, хочу подчеркнуть, что даже «Тайное общество» декабристов, будучи политическим нелегальным союзом, представляло собой модель социально-коммуникативной организации наиболее активных общественных сил, которые стремились вырваться из узких феодальных сословно-государственных рамок. Являясь отражением поиска новых буржуазных форм выражения общественно-политической активности, оно рассматривалось его создателями и просвещенными современниками как форма выражения общественного мнения, механизм реализации идеалов Просвещения, действенный инструмент влияния на власть, существенный фактор реформаторского процесса³⁸. При этом декабризм, представлявший собой сложную систему, которая включала политическую, общественную и индивидуальную составляющие, скорее имел черты социально-политического движения, чем стал им³⁹. При чем в конце 1990-х — начале 2000-х гг. произошло возрождение и утверждение

³⁷ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI века. М., 2005. С. 72–99; Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 28–34, 38–42, 81–92, 249; Христов И.В. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 35–41, 49–51, 57–68.

³⁸ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 242–264.

³⁹ Боленко К.Г. Верховный Уголовный суд в системе российского правосудия (конец XVIII — начало XIX века). М., 2013. С. 27.

либеральной трактовки декабризма, который рассматривается сегодня в рамках общественного либерализма (при безусловном признании наличия в нем элементов политического радикализма)⁴⁰.

Во-вторых, это специальные монографические исследования, посвященные изучению особенностей российского реформаторского процесса в периоды царствования Александра I и Николая I. В их ряду следует выделить труды М. М. Сафонова и С. В. Мироненко, относящиеся к поздней советской историографии, а также современные монографии А. Н. Долгих и Л. Ф. Писарьковой. В монографии М. М. Сафонова «Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.» рассмотрены преобразовательная практика и реформаторские поиски власти в конце XVIII — начале XIX в. Автор приходит к обоснованным выводам, что в XIX столетие Россия вступила «феодальной страной», в которой существовала система политических, социальных и экономических отношений, построенная на принципах исключительности дворянских привилегий. Причем эта система получила законодательное оформление в то время, когда она начинала становиться преградой на пути развития прогрессивных явлений. В данной ситуации верховная власть оказалась перед необходимостью произвести ее модернизацию. Именно с этим, по мнению автора, были связаны: работа по созданию проекта «Всемилютейшей Грамоты, всему российскому народу жалуемой»; министерская реформа; преобразование Сената; создание высшего законосовещательного органа; постановка крестьянского вопроса. Однако широко задуманная программа политических и социально-экономических реформ свелась в силу феодальной природы абсолютизма в России лишь к преобразованиям государственного устройства, причем реальное осуществление получили те из них, которые способствовали централизации и бюрократизации государственного аппарата, дальнейшему укреплению самодержавия⁴¹. Заслугой автора является введение в научный оборот новых источников, дающих представление о механизме правительственного реформаторства в 1801–1803 гг.

Огромный вклад в изучение природы самодержавной власти в России и определение сущности преобразовательных поисков послевоенного периода правления Александра I внесла монография С. В. Мироненко «Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.». Будучи рубежным явлением, она стала классической работой, являющейся сегодня базовой для всех исследователей александровской эпохи. Ведь именно в ней впервые после долгого перерыва был вновь заявлен, концептуально развит и источниковедчески проработан новый, отличный от советской историографической традиции подход к официальному либерализму первой четверти XIX в. Обозначенный

⁴⁰ Об этом см.: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 56–68.

⁴¹ *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 243.

еще А. В. Предтеченским⁴², он стал доминирующим в историографии конца XX — начала XXI в. Суть его заключается в том, что преобразовательная политика и реформаторские поиски Александра I рассматриваются как поступательный процесс начала формирования буржуазных отношений, предвосхищенный «буржуазные преобразования 1860-х годов»⁴³.

Научная значимость монографии С. В. Мироненко состоит и в том, что в ней впервые в историографии политическая история России первой четверти XIX в. рассмотрена в жесткой увязке с историей государственной власти, анализом ее структуры, организации, исполнителей. Автор поставил ряд важнейших историографических вопросов и дал на них концептуальные ответы: что представляло собой самодержавие этой эпохи как государственная система, насколько в ней проявлялись кризисные явления, была ли она способна осуществить кардинальные реформы? В результате своих исследований С. В. Мироненко пришел к основополагающим выводам, которые нашли исследовательское продолжение в современных работах. Во-первых, александровское самодержавие представляло собой феодально-бюрократическую систему государственной власти, которая не имела ни органа, способного разработать и реализовать фундаментальные реформы — конституционную и крестьянскую, ни исполнителей. Ведь основной корпус «либеральной бюрократии», процесс оформления которой приходится на царствование Николая I, был окончательно сформирован лишь в царствование Александра II. Во-вторых, вряд ли можно говорить о кризисе крепостнической системы, поскольку не только существовала объективная слабость общественных сил, выступавших за буржуазные преобразования, отсутствовала определенно выраженная потребность в использовании свободной рабочей силы, но и сохранялась жизнеспособность крепостнического хозяйства. В-третьих, при едином для верховной власти и общества стремлении к кардинальным реформам, их осуществление было невозможно в силу объективных причин. Прежде всего по причине органической непригодности «громоздкой феодально-бюрократической машины к каким-либо капитальным преобразованиям страны», а также сопротивления большинства консервативного дворянства. Кроме этого, в борьбу за преобразования был включен только узкий, верхушечный слой дворянского общества, а сам Александр I не допускал и мысли о включении общественных сил в реформаторский процесс⁴⁴. Монография Мироненко оказала влияние и на развитие отечественного

⁴² *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 185–211.

⁴³ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 6, 122–145, 207–228, 231–234.

⁴⁴ Там же. С. 122–145, 207–228, 231–234. Эти концептуальные положения нашли также отражение в ярком выступлении С. В. Мироненко в дискуссии на международной конференции, посвященной 175-летию восстания декабристов (см.: Империя и либералы. Материалы международной конференции. Сборник эссе. СПб., 2001. С. 268–273).

декабристоведения, поскольку в ней продемонстрировано воздействие официального либерализма на передовых современников, прежде всего декабристов, показаны объективные корни декабристского движения.

В конце XX — начале XXI в. появились работы, развивающие концептуальные положения А. В. Предтеченского и С. В. Мироненко о прогрессивной сущности официального либерализма первой четверти XIX в., об общих для верховной власти и просвещенной элиты дворянского общества устремлениях к коренным преобразованиям. В работах Н. В. Минаевой, Т. Н. Жуковской, Т. В. Андреевой продемонстрированы единые для императора и его ближайшего окружения (М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова и др.), а также общественных «либералистов» просветительские и либерально-реформаторские тенденции⁴⁵. Тогда как М. А. Давыдов и С. А. Экштут показали антиисторичность представлений о второй половине александровского царствования как об эпохе противостояния реакции и революции, аракчеевцев и декабристов. Своими работами историки показали размытость границы между членами политической конспирации и представителями прогрессивной общественной и военной элиты, готовыми поддержать либеральные преобразования как «сверху», так и «снизу», со стороны «Тайного общества». С. А. Экштут даже увидел «переключку судеб» Александра I и идеологов декабризма, прежде всего П. И. Пестеля⁴⁶.

Важный вклад в изучение крестьянского вопроса в периоды царствования Павла I и Александра I внесла монография А. Н. Долгих «Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в.». Автор посредством анализа главных факторов, обусловивших формирование аболиционистской идеологии в лоне государственной власти, и изучения законодательства, посвященного различным аспектам крепостного права, выявил отличия и определил историческое значение правительственного курса данных эпох в отношении крестьян. Кроме этого, А. Н. Долгих попытался систематизировать важнейшие аспекты влияния политики Павла I и Александра I на концепцию Николая I и подготовку Великой крестьянской реформы. В силу этого его работа имеет важное историографическое и источниковедческое значение. Помимо этого, автор, стремясь сопоставить правовой статус как владельческих, так и государственных и удельных крестьян, вклю-

⁴⁵ *Минаева Н.В.* 1) *Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века.* Саратов, 1982; 2) *Политические проекты декабристов в контексте конституционной мысли России первой четверти XIX в.* // *Труды Государственного исторического музея.* Вып. 105: 170 лет спустя... *Декабристские чтения 1995 года.* Статьи и материалы. М., 1999. С. 5–9; *Жуковская Т.Н.* *Правительство и общество при Александре I.* Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002; *Андреева Т.В.* *Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение.* С. 180–221, 370–387.

⁴⁶ *Давыдов М.А.* *Оппозиция Его Величества.* М., 1994; *Экштут С.А.* *В поиске исторической альтернативы (Александр I. Его сподвижники. Декабристы).* М., 1994. С. 57–67.

чил в сферу своих изысканий рассмотрение законодательства о последних. Таким образом, историк попытался избежать традиционных стереотипов до-революционной и советской историографии, сужавших изучение крепостного права в России до социально-экономических реалий во владельческой деревне и поставил перед собой более широкие задачи. Важными и документально обоснованными, носящими новаторский характер представляются концептуальные выводы А. Н. Долгих. Во-первых, исследователь полагает, что можно говорить «об определенном плане Павла», до конца не оформленном и не реализованном в силу его недолгого правления, но «направленном на введение крепостного права в законные рамки». В его основе лежала позиция самого монарха, считавшего, что расширение прав помещиков на крепостных вступает в противоречие с необходимостью жесткого контроля над взаимоотношениями между сословиями. Во-вторых, политика Александра I в аграрной сфере, обусловленная его личными либеральными воззрениями, также основывалась «на определенном плане», с течением времени корректировавшемся. План предусматривал ликвидацию личной продажи крепостных, фиксацию крестьянских повинностей, выкуп их из помещичьей власти за фиксированную сумму, изменение правового статуса вследствие покупки населенных имений недворянами. В-третьих, «общей причиной» отказа Александра I от реализации своего «плана» стала как неготовность дворянства, так и осознание императором «гибельности для крестьянства, экономики и государства вообще» последствий освобождения без земли. В-четвертых, важнейшей целью носителей верховной власти на их аболиционистском пути было желание не допустить дальнейшего роста помещичьих притязаний в отношении крепостных, дестабилизирующих систему сословных отношений в государстве и тем самым ограничивающих права монархов как ее гарантов⁴⁷.

Действительно, задачи сохранения устойчивости самодержавия как политической системы при необходимой модернизации социальной структуры империи требовали ограничения крепостного права. Стремление Павла I и Александра I к независимости от окружающей их помещичьей среды и упрочению своей политической и административной власти во многом обуславливало правительственные принципы решения крестьянского вопроса и негативное отношение монархов к крайностям крепостничества. Однако, на мой взгляд, если меры, принятые Павлом I по некоторому ограничению произвола помещиков и улучшению быта крестьян, были выражением его стремления к регламентации взаимоотношений между помещиками и крестьянами, созданию социальной структуры, напрямую подчиненной носителю верховной власти, то «план» Александра I в отношении крестьянского вопроса носил вторичный характер

⁴⁷ Долгих А.Н. 1) Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в. Липецк, 2006; 2) Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796–1825 гг.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 17–19, 29.

и был подчинен «плану» конституционной реформы. В этой связи хочу подчеркнуть, что хотя оба императора имели различные стратегические цели — «регулярное государство» и «законная монархия» — объективно их политика способствовала зарождению и развитию реформаторского процесса в аграрной сфере.

Итогом развития нового подхода к изучению проблемы реформ в правительственной политике первой четверти XIX в. в историографии постсоветского периода стала монография Л. Ф. Писарьковой «Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение». Исследовательница справедливо указывает на неправомерность деления царствования Александра I на либеральный и охранительный периоды, подчеркивая, что реформаторский процесс данной эпохи носил целостный, программный и системный характер. Автор объединяет «три приступа»⁴⁸ к преобразованиям — 1801–1802 гг. (проекты Негласного комитета), 1809 г. («План» М. М. Сперанского) и 1820 г. (Государственную уставную грамоту Российской империи) — и правомерно указывает на их связь, преемственность и масштабность. Основная идея состояла в проведении «всеобщего государственного преобразования», введении единых принципов высшего, центрального и местного управления, увязывании их в единую систему. Основанная на новой законодательной базе и действующая в рамках конституции, она должна была иметь «противовесы» «в лице высших административных или выборных учреждений». При этом в последние годы царствования Александра I, которые в литературе чаще всего называются «периодом реакции», по справедливому мнению автора, реформаторские поиски продолжались. Но в отличие от предыдущего периода они не носили масштабного характера, были направлены не на замену, а на постепенное преобразование и дополнение «действующей организации структурами», способными с одной стороны установить законность и обеспечить порядок на местах, а с другой — «выступать в роли противовеса министерствам, наделенным слишком большой властью»⁴⁹.

Речь идет о проекте Н. Н. Новосильцова о создании института наместничества, который был реализован А. Д. Балашевым посредством областной реформы. В этой связи хочу подчеркнуть, что как общая концептуальная конструкция Л. Ф. Писарьковой, так и ее конкретные положения находят подтверждение в двух диссертационных исследованиях О. А. Любезникова и А. Ю. Скрыдлова, посвященных Н. Н. Новосильцову и А. Д. Балашеву⁵⁰. Неудачу же как

⁴⁸ Об этом см.: *Захаров В.Ю.* Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во второй половине XVIII — 1-й четверти XIX в. М., 2008.

⁴⁹ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 383–385.

⁵⁰ *Любезников О.А., Скрыдлов А.Ю.* Н.Н. Новосильцов и А.Д. Балашев: разработка и реализация преобразований в системе местного управления при Александре I // Клио. 2012. № 12. С. 108–115; *Любезников О.А.* Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: Автореферат дис. ... канд.

реальных административных преобразований, так и реформаторских проектов второй четверти XIX в. Л. Ф. Писарькова связывает с тем фактом, что, будучи лишь теоретическими построениями, они разрабатывались по европейским образцам, «без учета особенностей развития России» и оказались преждевременными и несогласованными с российскими реалиями⁵¹.

С моей точки зрения, тот факт, что реформаторы начала XIX в. стремились в системе государственной власти утвердить принцип «сдержек и противовесов», находит подтверждение в их интересе к американской модели конституционализма. В РГИА, в фонде под названием «Бумаги М. М. Сперанского» сохранилась писарская копия текста Конституции США 1787 г.⁵² Надо думать, внимание преобразователей к важнейшему законодательному акту Нового времени было обусловлено тем, что в основе американской Конституции лежал не классический принцип разделения властей, разработанный Аристотелем и усовершенствованный Фомой Аквинским, Дж. Локком и Ш. Монтескье, а его национальный американский вариант. Сформированный не столько в соответствии с классическими теориями, сколько с учетом собственного политического опыта Северной Америки, он был направлен на предотвращение «деспотизма» в высшем управлении. В основе данного варианта лежала идея единства государственной власти, имеющей три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Для предупреждения концентрации властных полномочий одной из них Конституция утверждала систему «сдержек и противовесов», которая базировалась на следующих началах: все три ветви имели различные источники формирования; все органы власти имели различные сроки полномочий; каждая из ветвей власти имела законное право нейтрализовать узурпаторские намерения другой. В основу федерации был положен дуалистический принцип соотношения властных полномочий Союза и штатов⁵³.

Одной из важнейших задач «Плана» 1809 г., авторами которого, с моей точки зрения, были Александр I и Сперанский, концептуально направленного только на подготовку условий для перехода от «феодального самодержавия» к «истинному монархическому правлению»⁵⁴, также являлось формирование системы «сдержек и противовесов». Надо думать, это было обусловлено трагическими уроками Французской революции, традициями российских дворцовых

ист. наук. СПб., 2013; *Скрыдлов А.Ю.* Жизнь и государственная деятельность Александра Дмитриевича Балашева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.

⁵¹ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. С. 384–385.

⁵² РГИА. Ф. 1251 (Бумаги М.М. Сперанского). Оп. 1. Д. 136.

⁵³ История государства и права зарубежных стран: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Н.А. Крашенниковой и О.А. Жидкова. М., 1991. С. 38–40.

⁵⁴ *Андреева Т.В.* Александр I и М.М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего Государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–74.

переворотов XVIII — начала XIX в., а также стремлением части российского сановничества к установлению аристократической конституции и превращению Сената в орган аристократической олигархии. Чтобы избежать всего этого, сохранить в государственной системе верховенство носителя «державной власти», сосредоточить в его руках законодательную, исполнительную, судебную «части»⁵⁵, необходимо было прежде всего законодательно закрепить «власть и преимущества императора». Поэтому в «Проекте Уложения государственных законов» как основной части «Плана» утверждалось: «Особа императора есть священна. Император, вместе с восшествием на престол, восприимлет державную власть во всем ее пространстве. По праву державной власти и в порядке для нее установленном, император есть верховный законодатель<...>, верховный охранитель правосудия<...>, он есть верховное начало силы исполнительной»⁵⁶.

Изменения исследовательской конъюнктуры начала XXI в. обратили взоры отечественных историков на эпохи социально-политической стабильности, прежде всего на николаевское царствование, которое в либеральной и советской историографии всегда обозначалось как эпоха тридцатилетнего застоя, усиления стагнационных явлений, трагедии сломленного последекабристского поколения. Между тем еще для современников, даже таких ярких обличителей «режима» Николая I, как А. И. Герцен и В. Г. Белинский, была характерна амбивалентность восприятия российской действительности. Первые русские гегельянцы, они подходили к вопросу о роли субъективного и объективного факторов в российском историческом процессе вполне диалектично. Герцен характеризовал николаевскую эпоху как «удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения», находил в русской жизни два противоположных течения — «одно на поверхности, другое в глубине»⁵⁷. Белинский же писал: «В отношении внутреннего развития Россия настоящего царствования, без всякого сомнения, есть самое замечательное после царствования Петра Великого <...> Старые основы общественной жизни, которые заржавели от времени и могли бы только затормозить колеса великой государственной машины, мудро отстраняются мало-помалу безо всякого сотрясения в общественном организме. Обращено внимание на положение и быт народа и сделаны попытки, обещающие прекрасные результаты на его, так сказать, воспитание. Вот истинное продолжение великого дела Петра»⁵⁸.

⁵⁵ Основопологающий тезис о единстве «державной власти», «о разделении частей управления», а не ветвей власти был для М. М. Сперанского очень важен, поэтому он постоянно присутствует в других его работах доопального периода. См.: *Сперанский М. М.* Записка о порядке государственного управления (в частности в России) и об улучшении организации губернской администрации. 1803 или 1804 годы // ОР РНБ. Ф. 637 (К. Г. Репинский). Оп. 1. Д. 758. Л. 3.

⁵⁶ *Сперанский М. М.* Проект Уложения государственных законов в Российской империи // Сперанский М. М. Избранное. С. 367.

⁵⁷ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956. Т. VII. С. 209.

⁵⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953–1959. Т. 10. С. 366.

На тот факт, что «вдумчивые современники» «улавливали наполненность жизни и дум правительства <...> ощущали значительность протекавших перемен», указывал один из основоположников отечественного декабристоведения С. Н. Чернов⁵⁹. Историк писал: «И если теперь сторонний наблюдатель не всегда заметит эти черты эпохи, то современник, редко образованный, чаще смущенный и хорошо, если не замечал, то чувствовал, особенно же некоторые и живо заинтересованные и затронутые правительственной деятельностью лица и группы населения болезненно ощущали ее напряжение и всю огромную хозяйственную, социальную и культурную значительность»⁶⁰.

Еще некоторые дореволюционные и советские историки подчеркивали преемственность правительственных преобразовательных поисков в царствования Николая I и Александра II, прежде всего в решении крестьянского вопроса⁶¹. Сегодня при общей идее о Великих реформах как о значительном рубеже многие историки отказываются от грубого и упрощенного разделения, а иногда противопоставления реформаторства первой, второй и третьей четверти XIX в. Царствование Николая I рассматривается как переходная эпоха, когда происходили незаметные, но глубинные изменения в экономике, промышленности, аграрной и социальной сферах. Целый ряд монографических трудов, проводившихся по разным методикам, отражает новую парадигму в оценке периода второй четверти XIX в. как следующую стадию российской модернизации, под которой понимается процесс перехода российского государства от феодального самодержавия к абсолютизму Нового времени, от доиндустриальной к индустриальной стадии развития. При этом николаевская эпоха обозначается как «инкубационный период» для Великих реформ, когда была не только подготовлена «почва» для двух ключевых реформ — крестьянской и судебной, но и возвращена «просвещенная бюрократия», их реализовавшая⁶². Прежде

⁵⁹ О нем см.: Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.

⁶⁰ Чернов С.Н. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Сост., вступ. статья Т.В. Андреевой. Комментарии Т.В. Андреевой и В.С. Парсимова. СПб., 2004. С. 164.

⁶¹ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — первой половине XIX в.: В 2 т. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888. С. 252–253; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: В 2 т. Т. 1. М., 1946. С. 5; Архипова Т.Г. Высшие комитеты России II четверти XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической государственности): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 32.

⁶² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 217–219; Высочков Л.В. Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 274–281, 363–379; Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 9; Высоков М.С. 1) Электросвязь в Российской империи от зарождения до начала XX века. Южно-Сахалинск, 2003; 2) Российская империя на

все это относится к крестьянской реформе. Действительно, продолжавшееся вплоть до конца 1840-х гг. обсуждение в Секретных комитетах николаевского царствования крестьянского вопроса обозначило целый ряд проблем, которые были поставлены еще в ходе преобразовательных поисков эпохи Александра I, а в 1857–1861 гг. вновь стали предметом дискуссий в правительстве. Причем противоречивость концепции решения крестьянского вопроса при Николае I во многом обусловила компромиссность и «внутреннюю противоречивость» реформы 1861 г., соединившей государственные опеку и регулирование и «естественное развитие», «принцип невмешательства»⁶³.

В данном контексте следует подчеркнуть, что в 1990-х гг. вновь работа С. В. Мироненко, который стремился выйти за пределы сложившегося в советской историографии нарратива, знаменовала собой начало нового этапа в изучении правительственной политики в отношении крестьянского вопроса в царствование Николая I. В монографии, посвященной отдельным эпизодам гайной истории российского самодержавия в первой половине XIX в., историк обобщил изучение деятельности Секретных комитетов николаевского царствования, которое было начато в его более ранних работах⁶⁴. В отличие от Н. М. Дружинина, С. В. Мироненко освещает прежде всего позицию самого Николая I в отношении крепостного права, подчеркивает твердое намерение императора «довести дело до конца», «приступить к выработке основ освобождения крестьян». Причем сам факт постоянного в течение более 20-ти лет обращения императора к крестьянскому вопросу в Секретных комитетах его царствования, по мнению историка, свидетельствовал об этом. Особое внимание автор уделяет деятельности Секретного комитета 1839–1842 гг. в связи с подготовкой указа об обязанных крестьянах 2 апреля 1842 г. и широко задуманной П. Д. Киселевым программы крестьянской реформы. Анализ борьбы в сановных кругах вокруг программы министра государственных имуществ позволил Мироненко прийти к важным и документально подтвержденным

пути модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX – начале XX в. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 3; *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории? С. 5, 23; *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII–XXI века. С. 95–96; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. С. 3, 21, 29, 32, 139, 239–242; *Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 614; *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). С. 7, 9–11, 21–49.

⁶³ *Христофоров И.А.* 1) От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // *Российская история*. 2011. № 4. С. 27–43; 2) Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). С. 50, 352.

⁶⁴ *Мироненко С.В.* 1) Секретный комитет 1839–1842 гг. и вопрос об освобождении крестьян // *Вестник Московского государственного университета*. Серия 6: История. 1977. № 3. С. 25–43; 2) План постепенного освобождения крестьян в Секретном комитете 1839–1842 гг. Б. д., б. м.

выводам. Во-первых, деятельность комитета 1839–1842 гг. отражала четкое осознание верховной властью того факта, что именно сохранение самодержавного государственного строя требовало постепенной отмены владельческого крепостного права. Во-вторых, наличие двух этапов в реформе Киселева обусловливалось пониманием, что уничтожение крепостничества было невозможно без реформы в государственной деревне и насилия со стороны государства по отношению к поместному дворянству. На первом этапе следовало провести преобразование устройства и управления государственных крестьян. На втором — разработанная министром программа инвентарей, фиксирующих крестьянские повинности, должна была заложить основы для принудительной государственной регламентации взаимоотношений помещиков и крестьян. В-третьих, проект Киселева об инвентарях как образце этих новых взаимоотношений хотя и декларировал неприкосновенность дворянской земельной собственности, но на практике закладывал основу для постепенного освобождения крестьян с землей. При этом положение указа от 2 апреля 1842 г. о наделении крестьян частью помещичьей земли при переводе их в обязанные крестьяне, которую они не имели права вернуть, делало сам указ переходным этапом на пути к этому освобождению. В целом, как совершенно справедливо считает автор, программа крестьянской реформы Киселева была направлена на сохранение прежде всего самодержавия и потому была вполне реалистичной. Она исходила «из принципиального недоверия к способности помещиков предпочесть общегосударственные интересы своим непосредственным выгодам и пыталась найти выход из противоречий наступившего кризиса по пути крайне медленно, но неуклонно проводимого сверху комплекса мер, ведущих к уничтожению крепостного права»⁶⁵. Ничтожность же практических результатов деятельности всех Секретных комитетов николаевского царствования автор связывает как с переходным характером эпохи, так и с сопротивлением проведению крестьянской реформы со стороны не только большинства консервативного дворянства, но главное — большинства членов комитетов. При этом Николай I, считая для себя невозможным пойти на открытый конфликт с сановной аристократией, всё же стремился по крайней мере «приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей»⁶⁶.

Комплексное изучение государственной политики и правительственных преобразовательных инициатив в царствование Николая I проведено в трудах Л. В. Выскочкова «Император Николай I: Человек и государь» и «Николай I». Они стали первыми в новейшей историографии⁶⁷ специальными

⁶⁵ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 3, 72, 110–195.

⁶⁶ Там же. С. 185–188.

⁶⁷ Об этом см.: Выскочков Л. В. 1) Император Николай I в историографии рубежа веков (1996–2003) // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию

монографическими исследованиями, в которых Николай I является самостоятельным персонажем научно-исторического изучения и в которых соединились два историографических жанра — научной биографии и труда по политической истории России второй четверти XIX в. Это вполне закономерно. Поскольку в самодержавной России фигура императора всегда соединяла в себе единство личностно-индивидуального и политически-общезначимого. Следует подчеркнуть, что автор, стремясь объединить традиционные позитивистские принципы научно-исторического исследования с приемами «школы Анналов», отказываясь от априорных конструкций и анализируя неизвестный ранее фактический материал, формирует новое представление о царствовании Николая I. Прежде всего Выскочков совершенно справедливо подчеркивает, что после событий 14 декабря 1825 г. «Николай Павлович начал царствовать всё же с желанием провести необходимые реформы». У императора «были и легитимистские принципы, и власть, и даже желание реформ сверху, от имени государя», хотя «сам он с гордостью мог бы отнести себя к тем монархам, которых называл “государями-консерваторами”»⁶⁸. Прежде всего это касалось крестьянского вопроса.

Причем для Николая I, в отличие от Александра I, дилеммы — освобождение с землей или без нее не существовало, поскольку Николай Павлович полагал, что безземельное освобождение приведет к пауперизации крестьян (хотя до середины 1830-х гг. допускал и безземельное освобождение). При этом реформа в государственной деревне с точки зрения Л. В. Выскочкова была «первым шагом на пути к реформе крепостной деревни». Это находило отражение в постепенном переходе от феодального принципа подушной подати у государственных крестьян к капиталистическому — на промыслы и землю. По мнению историка, внимание императора к крестьянскому вопросу было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, осознанием Николаем I социальной опасности крепостничества как «порохового погреба государства» и стремлением императора начать легитимный процесс сверху, пока он самопроизвольно и незаконно не «начнется снизу». Во-вторых, постоянными, вплоть до 1850-х гг., слухами в крестьянской среде о вольности и в связи с этим неповиновениями крепостных помещикам и крестьянскими бунтами. В-третьих, не забывал Николай Павлович и об экономических аспектах крепостного права, тормозящего развитие народной торговли и кустарного производства. Результатом же практических мероприятий Николая I в аграрной сфере, как справедливо считает Выскочков, «были уменьшение (абсолютно и относительно) численности кре-

Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 52–54; 2) Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (российская историография последнего десятилетия. 1996–2005) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2: История. Вып. 4. С. 79–99; Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: Pro et contra. (Зеркало для героя) // Николай I: Pro et contra. Антология. СПб., 2011. С. 7–62.

⁶⁸ Выскочков Л.В. Император Николай I. Человек и государь. СПб., 2001. С. 278–279.

постного населения, смягчение крепостного права и подготовка общественного мнения в пользу реформы». Причины же неудачи кардинального решения крестьянского вопроса автор видит в усилении охранительных тенденций под влиянием европейских революций 1830 и 1848 гг., сопротивлении «аристократической фронды», осознании верховной властью определенного запаса прочности существующей социальной крепостнической системы («хотя и испытывающей кризис»), а главное — психологической неготовности массы среднего дворянства идти на необходимые компромиссы в вопросе о земле⁶⁹.

Присоединяясь к основным положениям Выходцова, хочу подчеркнуть, что влияние событий междуцарствия и 14 декабря 1825 г. на Николая I было более глубоким и многоуровневым. Анализ династического кризиса и военного выступления в столице подтолкнул верховную власть к формированию новой модели абсолютизма, новой модели взаимоотношений власти и общества, новой государственной идеологии. Причем консервативная концепция развития России была основана на главной идее — деструктивности насильственного пути к прогрессу и опасности ускоренной ломки существовавших порядков. В условиях неготовности страны к кардинальным преобразованиям была выдвинута концепция приспособления традиционных национальных институтов к новым историческим условиям, а также — опоры на существующие сословно-государственные учреждения. При этом активное законотворчество по крестьянскому вопросу и преобразовательные поиски Николая I в Секретных комитетах были подчинены задачам укрепления и совершенствования российской абсолютистской государственности. С этим же было связано и замедление хода реформаторской машины, откладывание реализации фундаментальных преобразований в деревне. Необходимость сохранения самодержавной государственной системы, в основании всех частей функционирования которой (социально-экономической, финансовой, военной, кредитной, хозяйственной) лежала система крепостничества, требовала продолжительной отсрочки.

Взгляд на эпоху Николая I как на важный «этап общего поступательного движения России», предварявший «реформы 1860-х гг.», характерен и для монографии И. В. Ружицкой «Законодательная деятельность в царствование императора Николая I». Автор на основе анализа правительственной деятельности в области крестьянского и судебного законодательства продемонстрировала, что именно в николаевское царствование были заложены основания для реализации двух ключевых реформ царствования Александра II — крестьянской и судебной. Рассмотрев исторические условия решения крестьянского вопроса, его состояние во второй четверти XIX в., проанализировав проекты всех Секретных комитетов, а также изучив государственную деятельность Николая I в данной сфере, Ружицкая справедливо считает, что «от начала и до конца правления Николая I прослеживается единая линия, единый замысел».

⁶⁹ Там же. С. 363–379.

Вся крестьянская политика данной эпохи являлась «результатом исполнения Высочайшей воли или сопротивления ей» и «несет на себе отпечаток личности» императора. Автор полагает, что Николай Павлович осознавал как морально-нравственную, так и социально-экономическую опасность крепостного права, которое являлось тормозом для развития производительных сил, и потому проводил последовательную политику ограничения крепостного права путем издания множества частных законодательных актов, ограничивавших злоупотребления и произвол помещиков. Таким путем он стремился приготовить пути для постепенной отмены крепостничества. Как и Л. В. Выскочков, И. В. Ружицкая подчеркивает, что главным результатом деятельности Николая I в отношении крестьянского вопроса были «уменьшение (абсолютное и относительное) численности крепостного населения, смягчение крепостного права и подготовка общественного мнения в пользу его отмены». Причины же неудачи кардинального решения крестьянского вопроса Ружицкая видит в воздействии на Николая I охранительных взглядов членов царской семьи, прежде всего Константина Павловича, и бюрократической элиты. Кроме этого, с середины 1830-х гг. император не допускал мысли о безземельном освобождении по модели прибалтийских губерний, которое могло бы привести к пауперизации и социальным катаклизмам, а денег на проведение выкупной операции не было. Ружицкая справедливо полагает, что огромное влияние на неуспех коренных преобразований в помещичьей деревне оказали европейские революции 1830 и 1848 гг. и неготовность основной массы крепостников-помещиков «идти на необходимые компромиссы»⁷⁰.

Соллидаризуясь с Мироненко, Выскочковым и Ружицкой в определении причин отступления от кардинального решения проблемы крепостного права, а также в характеристике результатов правительственной политики в крестьянском вопросе в царствование Николая I, хочу добавить, что неэффективность официальных мероприятий в аграрной сфере была обусловлена и неэффективной николаевской стратегией. Она была направлена на постепенное и «поверхностное» капиталистическое развитие России, на формирование примитивных, не затрагивавших поместный земледельческий фундамент и феодальные сословно-крепостнические отношения, «верхушек капитализма» в то время, когда в Европе происходил форсированный аграрный, промышленный и социально-экономический переворот. Но одно несомненно — в николаевское царствование была подготовлена законодательная почва для успешного проведения Великих реформ и возвращена «просвещенная бюрократия», их осуществившая.

К «пограничью» крестьянской реформы 1861 г. относится ряд очень интересных работ И. А. Христофорова, в том числе его новаторская монография «Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)». Новаторский характер данной

⁷⁰ Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 3, 5, 146–151.

работы прежде всего находит выражение в том, что впервые в историографии в ней соединены политический и социально-экономический аспекты Великой реформы, исследованы не изолированно, а вместе ее замыслы и результаты. Справедливо рассматривая крестьянскую реформу как длительный процесс, «лишенный заданности и четких хронологических границ», автор обращается к выявлению ее истоков как в идеологическом, так и практическом смысле. В основу идеологического содержания реформы, по мнению И. А. Христофорова, легло противостояние рационалистической, патерналистской и романтической, славянофильской парадигм в отношении к крестьянам, «европейская родословная» которых шла от Адама Смита и Ж. Ж. Руссо, а российская находила отражение в идеологических системах «бюрократов-рационалистов» и «романтиков-славянофилов». Поскольку первый «масштабный приступ» власти к решению крестьянского вопроса историк относит к 1830-м гг., он обращается к выявлению в данную эпоху путей оформления указанных парадигм и анализу процесса формирования эффективной системы регламентации и контроля над крестьянами со стороны как помещиков, так и государства. С точки зрения автора, Николай I не собирался «эмансипировать» помещичьих крестьян, т. е. «превращать их в свободных и полноправных граждан», а стремился сделать всех крестьян империи государственными, регламентировать и рационализировать их жизнь. В отличие от классических работ, посвященных крестьянской реформе, Христофоров впервые в историографии обращается к практической, институциональной стороне ее подготовки. В центре его внимания «несущие конструкции» реформы — системы землепользования и земледелия, налогообложения, землеустройства, межевания и кадастра, управления государственными имуществами. В целом же, по справедливому мнению автора, внутренняя противоречивость и компромиссность крестьянской реформы были обусловлены столкновением различных идеологических подходов, борьбой между различными политическими силами, а главное — инфраструктурными особенностями развития русской деревни⁷¹.

В-третьих, в 1990-х гг. в современной историографии выделилось особое направление «исторической персоналистики». Его определяющими чертами являются внимание к личности императоров, в том числе — Александра I и Николая I, применение историко-психологического подхода к изучению событий и явлений, рассмотрение политических процессов сквозь призму биографий. Среди современных научных работ, посвященных Александру I, следует выделить статьи В. А. Федорова, монографию Н. А. Троицкого, монографии и статьи

⁷¹ Христофоров И. А. 1) Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 6–11, 34–100, 106, 350–356; 2) Между частным и казенным: Крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2. С. 93–109. 3) От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Там же. 2011. № 4. С. 27–43.

А. Н. Сахарова. Их можно разделить на две группы исходя из сходства и различия оценок авторами личности и государственной деятельности императора. В первую группу входят работы В. А. Федорова и Н. А. Троицкого, для которых характерно рассмотрение как внутривластного курса, так и конституционных поисков царствования Александра I в рамках советской историографической традиции как приспособление и «заигрывание с либерализмом». И хотя Троицкий присоединяется к словам Наполеона, что по интеллектуальному и «профессиональному» уровню Александр Павлович «был, несомненно, самый способный из всех царствующих монархов»⁷², тем не менее его конституционные попытки историк связывает с необходимостью приспособления российского абсолютизма к новым историческим условиям.

В. А. Федоров же подчеркивает, что Александр I был самолюбив, мстителен, злопамятен, недоверчив, скрытен, подозрителен, непостоянен, лжив. Черты морального релятивиста историк переносит и на государственную деятельность Александра Павловича, который, обладая «духом неограниченного самовластия», избрал тактикой управления государством внешний либерализм и «скрытый деспотизм». Не являясь «по натуре реформатором», как считает Федоров, Александр I в своих преобразовательных инициативах стремился «к укреплению абсолютизма». Говоря о повороте к реакции в 1820 г., историк подчеркивает, что «вдохновителем реакционного курса был сам царь, а не Аракчеев»⁷³.

Вряд ли применимы к Александру I столь жесткие и одномерные характеристики, поскольку как его личность, так и государственная политика были сложными и неоднозначными явлениями. Думается, в силу не только исторических обстоятельств и постепенно приобретаемого политического опыта, но и осознания отсутствия социальной базы реформ и понимания абсолютизма как наиболее действенного механизма преобразований, он так и не решился провести фундаментальные реформы, для осуществления которых у непрерывно воюющей России к тому же не было ни времени, ни сил. Александру I постоянно приходилось приспособлять либерально-просветительские принципы к российским реалиям, производить выборку из наследия Просвещения, проводить лишь модернизацию самодержавия.

В другую группу входят монографии и статья А. Н. Сахарова, в которых дается совершенно противоположная характеристика личности и оценка государственной деятельности Александра I. В тех же рамках историко-психологического исследования, стремясь выйти за пределы либеральной дореволюционной и советской историографической традиции, историк показывает Александра I как одного из первых в Новое время реформаторов на троне, как либерального монарха, трагедия которого во многом состояла в том, что он

⁷² Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 292–293.

⁷³ Федоров В.А. 1) Александр I // Вопросы истории. М., 1990. № 1. С. 50–72; 2) Александр I // Герои и антигерои Отечества. [Серия.] М., 1992. С. 106–146.

опередил свое время. По словам историка, Александр «был первым в истории России правителем, кто осознанно на либерально-политической и культурной основе широко открыл двери в Европу для широких дворянских кругов, нарождавшейся интеллигенции». Как считает исследователь, Александр I был искренним приверженцем конституции. Но обращение императора к разработке конституционной реформы и отказ от нее Сахаров связывает с психологическими аспектами — искуплением греха отцеубийства и душевными сомнениями в правильности избранного пути, опасениями негативных последствий введения конституции. При этом историк подчеркивает, что Александр I был «личностью настолько глубокой, интеллектуально развитой, умной, что проникать в святая святых его мыслей и намерений оказалось невероятно трудно». Именно поэтому «его ум, прозорливость и дипломатическое искусство принимались за примитивную хитрость и ловкость; интеллектуализм и терпимость — за рефлексию <...>, истинный и глубокий патриотизм и любовь к многострадальной России и ее народу — за позу»⁷⁴. Ни в коей мере не умаляя личностные достоинства Александра I, хочу подчеркнуть, что его гармоничная и сбалансированная политика всегда была подчинена не отвлеченным альтруистическим идеям, а фундаментальным интересам российской государственности.

В 1993 г. после длительного перерыва появились первые постсоветские научно-биографические работы о Николае I. Так, С. В. Мироненко написал фундаментальный очерк, в котором дал характеристику личности и государственной деятельности Николая Павловича, продемонстрировал преемственность его политического мировоззрения со взглядами Петра I. При этом историк подчеркивает, что, пытаясь подражать своему великому прадеду и «веря во всемогущество государства», Николай I видел в нем не инструмент для совершенствования мира, а «аппарат», позволяющий «регулировать и держать под контролем жизнь общества». И всё же автор уверен, что император осознавал необходимость отмены крепостного права и стремился подготовить все необходимые условия для постепенного освобождения крепостных крестьян. В данном контексте С. В. Мироненко подчеркивает взвешенность и прагматизм позиции Николая I в отношении крестьянского вопроса. Это находило выражение в том, что царь отказался от форсированной «двуединой реформы», разработанной в Секретном комитете 1835 г. и касавшейся преобразований одновременно в помещичьей и государственной деревне. Император полагал, что необходимо их «развести»: вначале провести реформу государственных, а затем владельческих крестьян. Причем именно успех первой части «двуединой реформы», т. е. реформы государственных крестьян, обусловил учреждение и деятельность Секретного комитета 1839–1842 гг., созданного для подготовки реформы в помещичьей деревне. Однако критика программы крестьянской реформы

⁷⁴ Сахаров А.Н. 1) Человек на троне. М., 1992; 2) Александр I. М., 1998. С. 4–8; 3) Конституционные и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000. С. 9–78.

Киселева со стороны большинства членов комитета, сводившая на нет самую аболиционистскую идею, заставила Николая I отступить. Кроме этого, как показывает историк, император, признавая, что крепостное право есть очевидное зло, которое, «если и не совсем отжило, то, несомненно, отживает свой век», всё четче осознавал, что ныне «прикасаются к нему» было бы «преступным посягательством на общественное спокойствие и на благо государства»⁷⁵.

Иную позицию занимает Т. А. Капустина — автор еще одного научно-биографического очерка о Николае I, опубликованного в 1993 г. Исследовательница рассматривает деятельность крестьянских Секретных комитетов достаточно скептически. Полагая, что Николай I не был искренним сторонником отмены крепостного права, лишь прокламировал освободительные идеи, автор считает, что именно поэтому работа комитетов свелась лишь к частным мерам, а не к решительному прорыву в крестьянском вопросе⁷⁶.

В-четвертых, тема реформ в правительственной политике первой половины XIX в. требует обращения к анализу работ, посвященных государственным деятелям данной эпохи. В 1997 г. вышел в свет сборник статей «Российские консерваторы», в котором дана портретная галерея государственных деятелей XIX — начала XX в. В сборнике в том числе представлены очерки К. М. Ячменихина об А. А. Аракчееве, Д. И. Олейникова об А. Х. Бенкендорфе и М. М. Шевченко о С. С. Уварове. Указанные авторы не только достаточно полно воссоздают биографии государственных деятелей дореформенного периода, выявляют их политический опыт, но и расширяют границы исследовательских представлений о российском консерватизме. На примере его идеологов и практиков в сборнике продемонстрировано, что российская консервативная мысль не только оппонировала либерально-западнической, но и пыталась противопоставить ее идеям ускоренной ломки традиционных национальных институтов и строительства тогдашней России по западным образцам теорию приспособления и адаптации существовавших социально-политических форм к новым историческим условиям. При этом положение о неготовности России к преобразованиям западнического толка и поиск адаптированного к условиям России варианта реформ являлись важнейшими элементами консервативной программы⁷⁷.

В 2009 г. вышли в свет две монографии, посвященные видным сановникам первой половины XIX в. — П. Д. Николаенко о В. П. Кочубее⁷⁸ и Г. Н. Бибикова

⁷⁵ *Мироненко С.В.* Николай I // Российские самодержцы. 1801–1917. 1-е изд. М., 1993. С. 91–158.

⁷⁶ *Капустина Т.А.* Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11/12. С. 31–39.

⁷⁷ *Ячменихин К.М.* Александр Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. Сборник статей. М., 1997. С. 17–62; *Олейников Д.И.* Александр Христофорович Бенкендорф // Там же. С. 63–94; *Шевченко М.М.* Сергей Семенович Уваров // Там же. С. 95–136.

⁷⁸ *Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009.

о А. Х. Бенкендорфе⁷⁹. Через призму служебных биографий Кочубея и Бенкендорфа авторы рассмотрели правительственные поиски решения крестьянского вопроса и совершенствования государственного управления, определили стратегические приоритеты и тактические установки верховной власти в преобразовательном процессе. Обе монографии способствуют выявлению истоков ослабления управленческих возможностей государственной машины при постоянном административном совершенствовании. Материалы данных исследований также дают представление о взаимоотношениях монархов с аппаратом центрального управления, прежде всего с министрами и руководителями важнейших отделений СЕИВК.

Книга П. Д. Николаенко — первое специальное исследование жизни и деятельности крупного государственного деятеля первой трети XIX в. В. П. Кочубея. Автор выявляет социально-политические факторы, повлиявшие на достижение Кочубеем в царствование Александра I высоких постов, анализирует «анатомию» его министерского администрирования. Как показывает Николаенко, будучи «вождем партии» нового поколения просвещенных сановников, именно Кочубей привлек к процессу модернизации России М. М. Сперанского. Назначенный главой важнейшего учреждения центрального управления — Министерства внутренних дел, — Кочубей стал двигателем реформ, а его единомышленник М. М. Сперанский — их разработчиком. Николаенко убедительно демонстрирует, что министерская деятельность Кочубея, направленная на удовлетворение внутреннего развития России, создавала условия для подъема экономики, сельского хозяйства, торговли и промышленности⁸⁰.

В первое десятилетие николаевского царствования В. П. Кочубей достиг вершины управленческого олимпа. Он стал вторым человеком в империи — председателем Государственного совета и Комитета министров, главой нескольких Секретных комитетов. Выявляя причины возвышения Кочубея, Николаенко справедливо полагает, что Николай I сделал свой выбор исходя не из личных, а из прагматических соображений и государственных интересов. Молодой император, не обладая опытом государственного управления и правительственного реформаторства, рассчитывал с помощью талантливого практика продолжить реализацию намеченных еще в предыдущее царствование преобразований. Между тем Кочубей всегда проявлял осторожность в своих реформаторских проектах, прежде всего в касающихся крестьянского вопроса. Представитель крупного поместного землевладения, Кочубей полагал, что инициатива освобождения крестьян должна исходить только от дворянства на основе принципа добровольности. Учитывая неготовность большинства поместного дворянства к отмене крепостного права, на данном историческом этапе он предлагал Николаю I лишь ослабить крепостничество уничтожением

⁷⁹ Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

⁸⁰ Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. С. 159–178.

злоупотреблений помещиков и сокращением числа крепостных. Поэтому неудивительно, что предлагаемые Комитетом 6 декабря 1826 г. меры не были реализованы в полном объеме. Солидаризуюсь с автором в том, что именно под влиянием законопроектов кочубеевского Комитета Секретные крестьянские комитеты конца 1830-х — 1840-х гг. подготовили ряд важнейших законодательных актов по крестьянскому вопросу⁸¹.

Вместе с тем хочу высказать некоторые соображения, касающиеся деятельности М. М. Сперанского в Комитете 6 декабря 1826 г. Николаенко заявляет, что в проектах реформатора, представленных в Комитет, отсутствовали преобразовательные идеи⁸². Между тем сам же автор приводит ряд проектов Сперанского, направленных на постепенное реформирование государственного управления, а также устройства и управления в казенной и помещичьей деревне, т.е. реформаторские идеи были, но они видоизменились. Как писал М. А. Корф, «новый Сперанский 1826 года поставил себе задачей уже не ломку всего прежнего и действующего, а живое и разумное его воспроизведение»⁸³. Это свидетельствовало о том, что изменилось само понимание Сперанским сущности реформ. Теперь они виделись ему как компромисс между прошлым и будущим, а не уничтожение первого во имя второго. Кроме этого, Николаенко утверждает, что Сперанский «в своих проектах государственных преобразований» в Комитете 6 декабря 1826 г. «на первый план выдвигает политические реформы»⁸⁴. Но под политической реформой в это время понималась реформа политической системы, т.е. введение конституционно-представительного правления. На самом деле Сперанский предлагал проект реформы административной, т.е. совершенствования абсолютистского государственного управления. Кроме того, вряд ли можно говорить, что в основу пересмотра Положений о Государственном совете, Комитете министров и Сенате, обсуждавшегося в Комитете 6 декабря 1826 г., «был положен принцип разделения властей»⁸⁵. Во всяком случае в записке Сперанского «О государственных установлениях», поданной в 1826 г. на рассмотрение Комитета, речь шла о единой самодержавной власти, для усиления и совершенствования которой выдвигался принцип разделения ее внутри себя самой на отдельные, независимые друг от друга, подчиненные только самодержцу части⁸⁶.

Монография Г. Н. Бибикова — первое специальное исследование жизни и государственной деятельности одной из ключевых фигур политической истории России первой половины XIX в., генерала от кавалерии, графа А. Х. Бенкендорфа. Основной акцент работы делается на изучении его роли в создании, станов-

⁸¹ Там же. С. 772–775.

⁸² Там же. С. 578.

⁸³ Корф М.А. Жизнь графа М.М. Сперанского: В 2 т. СПб., 1861. Т. 2.

⁸⁴ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. С. 592.

⁸⁵ Там же. С. 582.

⁸⁶ Сперанский М.М. Избранное. С. 437–469.

лении и функционировании III Отделения СЕИВК. Бенкендорф предложил реорганизовать тайную полицию империи по западному образцу, т.е. разделив ее на две части — III Отделение СЕИВК как политическую полицию и Корпус жандармов. Но, в отличие от Франции, где жандармские части представляли собой канал распространения единого гражданского законодательства, в России они стали органами контроля и надзора за общественной благонадежностью. III Отделение, будучи самостоятельным и независимым от других государственных структур учреждением, напрямую подчиненным императору, имело статус не тайного, а легального органа. В его ведение входил широкий спектр вопросов внутренней и внешней политики. Отделение часто вторгалось в сферу деятельности других министерств и ведомств, контролировало их. Одной из его важнейших задач с подачи Бенкендорфа стало выявление общественных настроений и преобразовательных проектов, прежде всего касавшихся проблемы крепостничества. Однако система политического контроля над обществом в условиях роста гражданского самосознания россиян вызывала недовольство как государственных деятелей, так и определенных общественных слоев. По мнению Г. Н. Бибикова, в целом царствование Николая I «делится на две примерно равные половины: направлявшийся Бенкендорфом вплоть до окончания его карьеры процесс становления и упрочения полновесной системы политической полиции знаменовал собой развитие политической системы императора Николая I по восходящей линии. Во вторую половину царствования, продолжая мониторинг общественного мнения как в России, так и за ее пределами, не теряя способности твердо контролировать и быстро подавлять любую общественно-политическую оппозицию в стране, служба тайной полиции не может застраховать императора Николая I от тяжелых политических ошибок»⁸⁷.

Однако думается, что в начале николаевской эпохи, т.е. во второй половине 1820-х — 1830-х гг. особое внимание III Отделения к общественным настроениям и общественным преобразовательным «наработкам» было обусловлено стремлением верховной власти подменить проблему представительства проблемой общественного мнения. После 1848 г. Николай I расширил полномочия III Отделения, теперь уже не столько желая получить достоверную информацию о векторе общественного мнения, прежде всего в крестьянском вопросе, и о возможных злоупотреблениях, сколько стремясь обезопасить Россию от европейских революционных идей⁸⁸. Что же касается невозможности тайной полиции «застраховать императора Николая I от тяжелых политических ошибок», то, во-первых, это не являлось задачей III Отделения, а во-вторых, крах николаевского царствования был обусловлен не тактическими ошибками и просчетами власти, а неверной стратегической установкой на внешнюю модернизацию самодержавного и крепостнического строя, адаптацию их к новым

⁸⁷ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. С. 338.

⁸⁸ Абакумов О.Ю. «Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.

историческим условиям. Так Россия теряла время, отпущенное ей на проведение кардинальных преобразований. Но, не осуществленные вовремя, они теряли свою значимость и были обречены на неудачу.

В целом тема «власть и “просвещенная бюрократия” в истории российско-го реформаторства в первой половине XIX в.» содержательно и глубоко изучена в работах Н. И. Цимбаева, П. В. Акульшина, Е. В. Долгих, И. В. Ружицкой⁸⁹. Как известно, специфической особенностью первой половины XIX в. было подчинение образования и просвещения службе. Поэтому подавляющее большинство образованных людей, почти вся просвещенная элита дворянского общества состояла на государственной службе. В силу этого «двигателями прогресса» были представители интеллектуальной элиты дворянского общества, являвшиеся одновременно чиновниками первого и второго «эшелонов» государственной власти — А. А. Балашев, Д. Н. Блудов, А. Д. Боровков, П. А. Вяземский, П. Д. Киселев, М. А. Корф, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов, М. М. Сперанский и др. Изучение управленческой элиты Российской империи, бесспорно, имеет важное значение, поскольку способствует выявлению природы самодержавной власти в России. Ведь система высшего административного аппарата империи, складывавшаяся одновременно с развитием российской государственности, отражала все ее особенности, слабости и противоречия.

Все авторы указанных исследований, при различных научных подходах и методиках, едины в своей позитивной оценке значения «просвещенной бюрократии» александровского и николаевского царствований в процессе модернизации России. По их справедливому мнению, оформление нового типа высшей бюрократии началось в первые годы царствования Александра I и одним из первых его представителей был Сперанский. В правление Николая I этот процесс продолжался. Отличительной особенностью «просвещенной бюрократии» было стремление к рационализации и бюрократизации системы управления, действовавшей в рамках фундаментального законодательства. В основе политического мировоззрения бюрократов были идеи Просвещения, важнейшей из которых являлась положение о взаимосвязи государственного могущества и народного благоденствия, социально-политической стабильности государства и «общей пользы». Гарантом их виделся просвещенный абсолютный монарх, от которого ожидали преобразований. Кроме этого, реформаторские начинания верховной

⁸⁹ *Цимбаев Н.И.* Российский феномен «либеральной бюрократии» // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 32–36; *Акульшин П.В.* 1) Просвещенная бюрократия Российской империи в дореформенную эпоху // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV международной научно-практической конференции. Арзамас, 2000. С. 74–78; 2) П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001; 3) Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; *Долгих Е.В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; *Ружицкая И.В.* «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.). М., 2009.

власти и преобразовательные усилия правящей элиты рядом исследователей рассматриваются как российский вариант европейского легитимизма, под которым понимается постепенное общественное развитие при сохранении абсолютной монархии и сословного строя с социально-политическим доминированием дворянства⁹⁰. Важнейшей отличительной чертой представителей «просвещенной бюрократии» были также потребность в интеллектуальной сфере деятельности и стремление заниматься научными и литературными изысканиями⁹¹.

В-пятых, повышенный интерес историков постсоветской эпохи наблюдается и в отношении к идеологическим моделям, выдвигавшимся в качестве государственной идеологии Российской империи в различные периоды ее истории. Еще к концу 1980-х — началу 1990-х гг. относятся первые попытки объективного анализа проблем, связанных с формированием самой знаменитой из них — теории «официальной народности»⁹². Генезису теории «официальной народности» в тесной связи с политической философией С. С. Уварова посвящены статья и монография А. Л. Зорина. В статье «Идеология “православия–самодержавия–народности” и ее немецкие источники» автор, выявляя родословную государственной идеологии, подчеркивает, что своими корнями она уходит в политическую теорию немецкого романтизма. При создании столь сложного идеологического феномена Уваров стремился соединить на русской почве идеи Ф.-В. Шлегеля и И.-Г. Фихте о «построении национального государства и воспитании “национального характера” посредством официальной образовательной системы с охранительными гарантиями в виде самодержавия и православной церкви»⁹³. В книге, посвященной анализу идеологического «строительства» верховной власти в конце XVIII — первой трети XIX в., А. Л. Зорин также особое внимание уделит сущности «заветной триады» и процессу ее возникновения. В данном контексте автор проанализировал проект создания новой государственной идеологии в виде Всеподданнейшего доклада Уварова от 19 ноября 1832 г. По мнению А. Л. Зорина, «интеллектуальная драма русского государственного национализма» состояла в том, что «ключевая» для него

⁹⁰ Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5; Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия Российской империи в дореформенную эпоху. С. 74–78; Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.). С. 8.

⁹¹ Фролов. Э.Д. У истоков русского неоклассицизма: А.Н. Оленин и С.С. Уваров // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2008. Вып. 4. С. 293–331.

⁹² Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования: Сборник статей. Л., 1989. С. 5–41; Качалов И.Л. 1) Особенности официальной идеологии российского самодержавия во второй четверти XIX в. // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 3: История. Философия. Экономика. Право. Минск, 1991. № 3. С. 15–18; 2) Теория официальной народности: К проблеме авторства // Там же. Серия 3. Минск, 1992. № 3. С. 15–18; 3) Теория официальной народности и ее создатели: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1995. С. 1–20.

⁹³ Зорин А.Л. Идеология «православия–самодержавия–народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 105–128.

категория «народности», выработанная западноевропейской общественной мыслью и востребованная в России, была создана для «легитимации нового социального порядка, шедшего на смену традиционным конфессионально-династическим принципам государственного устройства». При этом Уваров, «выполняя политический заказ российской монархии», «попытался совместить требования времени и консервацию существующего порядка, но его европейское воспитание оказалось сильнее усвоенного традиционализма, и народность подчинила себе и православие, и самодержавие, превратив их в этнографически-орнаментальный элемент национальной истории»⁹⁴.

Исследованию политики правительства в области образования и цензуры в первой половине XIX в., ее идеологическому обоснованию в виде государственной доктрины «Православия, Самодержавия, Народности», деятельности Уварова как министра народного просвещения посвящена монография М. М. Шевченко. С точки зрения автора, при конструировании своей знаменитой триады Уваров стремился «удержать Россию от губительного скольжения по наклонной общественных катастроф и кровавых междоусобиц, благодаря некоторым спасительным началам, искони ей присущим». Главная идея министра состояла в том, чтобы «неизбежные с течением времени перемены не вызвали опасных смут, необходимо утверждать в новом поколении европейски образованных русских людей неразрывную связь национального самосознания с Православием и чувством верноподданнического долга перед царем-самодержцем»⁹⁵.

Схожие идеи характерны для работ С. В. Удалова, посвященных изучению процесса формирования и функционирования государственной идеологии. Однако в отличие от М. М. Шевченко автор рассматривает его в контексте общей проблемы «власть и общество» и рамках российского консерватизма. На примере одного из его идеологов — Уварова — С. В. Удалов, как и А. Л. Зорин, показал, что российская консервативная доктрина не была однозначно связана с упорствующим антиреформизмом, а являлась синтетической системой, включающей компромисс между западными просветительскими принципами и национальными базисными явлениями — самодержавием и крепостным правом. Автор показывает, что министр народного просвещения, осознавая, что Россия неизбежно вступит в новую эпоху, но видя, что в передовых европейских государствах переход к буржуазным отношениям произошел революционным путем, стремился свернуть с него. Главной задачей, как считает С. В. Удалов, присоединяясь к точке зрения М. М. Шевченко, Уваров ставил подготовку России к идеологическому противостоянию революционным лозунгам Европы, а также формирование нового, европейски образованного поколения русских людей, связанного идеей национального единства, православного вероисповедания, верноподданническо-

⁹⁴ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 339–374.

⁹⁵ Шевченко М. М. Конец Одного Величия. Власть. Образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 68–71.

го чувства и подготовленного для проведения будущих реформ⁹⁶.

Обзор научной литературы конца XX — начала XXI в., посвященной проблеме «власть и реформы в России в первой половине XIX в.», свидетельствует о тех позитивных переменах, которые характерны для современного историографического процесса. Различные аспекты масштабной и переломной эпохи официального либерализма, утверждения консервативной доктрины, поиска оптимального для России пути развития всё активнее и целенаправленнее становятся объектом глубокого научного анализа. Основной предмет размышлений историков — власть в процессе обсуждения реформ. Но какой бы ни был избран способ их достижения (форсированный или постепенный) и найден путь (западнический или самобытный) ни тот, ни другой не могли полностью исключить или заменить друг друга.

References

- Bibikov G. N.* A. H. Benkendorf i politika imperatora Nikolaâ I. M., 2009.
- Davydov M. A.* Oppoziciâ Ego Veličestva. M., 1994.
- Dolgiĥ A. N.* Krest'ânskiĥ vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samoderžaviâ v konce XVIII — pervoj četverti XIX v. Lipeck, 2006.
- Ėkštut S. A.* V poiske istoričeskoj al'ternativy. Aleksandr I. Ego spodvižniki. Dekabristy. M., 1994.
- Fedorov V. A.* Aleksandr I // Geroi i antigeri Otečestva. [Seriâ.] M., 1992. S. 106–146.
- Fedorov V. A.* Aleksandr I // Voprosy istorii. M., 1990. № 1. S. 50–72.
- Hristoforov I. A.* Sud'ba reformy: Russkoe krest'ânstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.). M., 2011.
- Kapustina T. A.* Nikolaj I // Voprosy istorii. 1993. № 11/12. S. 31–39.
- Minaeva N. V.* Političeskie proekty dekabristov v kontekste konstitucionnoj mysli Rossii pervoj četverti XIX v. // Trudy Gosudarstvennogo istoričeskogo muzeâ. Vyp. 105: 170 let spustâ... Dekabristskie čtenîâ 1995 goda. Stat'i i materialy. M., 1999. S. 5–9.
- Minaeva N. V.* Pravitel'stvennyĥ konstitucionalizm i peredovoe obščestvennoe mnenie Rossii v načale XIX veka. Saratov, 1982.
- Mironenko S. V.* Nikolaj I // Rossijskie samoderžcy. 1801–1917. 1-je izd. M., 1993. S. 91–158.
- Mironenko S. V.* Samoderžavie i reformy. Političeskaâ bor'ba v Rossii v načale XIX v. M., 1989.

⁹⁶ *Удалов С. В.* 1) Проблема «Россия и Запад» глазами Николая I (1826 — первая половина 1830-х гг.) // Николаевская Россия: Власть и общество. Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И. В. Пороха. Саратов. 26–27 апреля 2002 г. Саратов, 2002. С. 288–296; 2) Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 77–85; 3) Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.

Mironenko S. V. Sekretnyj komitet 1839–1842 gg. i vopros ob osvoboždenii krest'ân // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ 6: Istorîâ. 1977. № 3. S. 25–43.

Mironenko S. V. Stranicy tajnoj istorii samoderžaviâ: Političeskaâ istoriâ Rossii pervoj poloviny XIX stoletîâ. M., 1990.

Mironov B. N. Social'naâ istoriâ Rossii perioda imperii (XVIII – načalo XX v.). Genezis ličnosti, demokratičeskoj sem'i, graždanskogo obšestva i pravovogo gosudarstva: V 2 t. SPb., 1999.

Mironov G. E. Gosudari i gosudarevy lûdi: Rossijskie reformatory i kontrreformatory XIX – načala XX v. M., 1999. S. 8–76.

Nikolaenko P. D. Knâz' V. P. Kočubej – pervyj ministr vnutrennih del Rossii. SPb., 2009.

Pantin I. K. Drama russijskich reform i revolûcij // Imperiâ i liberaly (Materialy meždunarodnoj konferencii). Sbornik èsse. SPb., 2001. S. 27–75.

Pantin I. K., Plimak E. G. Drama Rossijskich reform i revolûcij (sravnitel'no-političeskij analiz). M., 2000.

Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj četverti XIX v.: Zamysly, proekty, voplošenie. M., 2012.

Ružickaâ I. V. Zakonodatel'naâ deâtel'nost' v carstvovanii imperatora Nikolaâ I. M., 2005.

Safarov T. A., Sadriev M. M. Rossijskie reformy i kontrreformy: Istoričeskie, političeskie, èkonomičeskie aspekty. M., 2001. S. 98–137.

Safonov M. M. Problema reform v pravitel'stvennoj politike Rossii na rubeže XVIII i XIX vv. L., 1988.

Saharov A. N. Aleksandr I. M., 1998.

Saharov A. N. Čelovek na trone. M., 1992.

Saharov A. N. Konstitucionnye i civilizacionnye sud'by Rossii // Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII – načala XX v. M., 2000. S. 9–78.

Ševčenko M. M. Konec Odnogo Veličîâ. Vlast'. Obrazovanie i pečatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge osvoboditel'nyh reform. M., 2003.

Troickij N. A. Aleksandr I i Napoleon. M., 1994.

Udalov S. V. Gosudarstvennaâ ideologiâ v Rossii vtoroj četverti XIX veka: Propaganda i realizaciâ. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2005.

Udalov S. V. Teoriâ oficial'noj narodnosti: mehanizmy vnedreniâ // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Mežvuzovskij sbornik naučnyh trudov. Saratov, 2005. Vyp. 21.

Vyskočkov L. V. Nikolaj I. M., 2003.

Zorin A. L. Ideologiâ “pravoslaviâ–samoderžaviâ–narodnosti” i ee nemeckie istočniki // V razдум'âh o Rossii (XIX vek). M., 1996. S. 105–128.

Zorin A. L. Kormâ dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaâ ideologiâ v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M., 2001.

Žukovskaâ T. N. Pravitel'stvo i obšestvo pri Aleksandre I. Učebnoe posobie po speckursu. Petrozavodsk, 2002.